
К 45-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
И 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б.Ф. ЛОМОВА

УДК 159.9.072.432

**ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ
ИЗУЧЕНИЯ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹**

© 2017 г. А. В. Махнач

*ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, г. Москва, ул. Ярославская, 13, Россия.
Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии труда,
эргономики, организационной и инженерной психологии. E-mail: amak@inbox.ru*

Поступила 17.01.2017

Аннотация. Представлены теоретические основания исследования концепта “жизнеспособность человека” и обосновано выделение нового этапа — пятой волны изучения этого феномена. Показано, что в настоящее время операционализация понятия сопровождается существенным расширением интереса к изучению социального и природного контекстов жизнеспособности. Обоснована важность определения места понятия жизнеспособности человека среди онтологически близких терминов. Представлен авторский компонентный подход к исследованию жизнеспособности человека: выделены пять внутренних (самоэффективность, настойчивость, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, духовность) и один внешний (семейные/социальные взаимоотношения) компонент жизнеспособности человека. Описаны исследования сотрудников Института психологии РАН, посвященные некоторым аспектам жизнеспособности человека. Делается вывод о необходимости определения направлений дальнейших исследований жизнеспособности человека, семьи, коллектива, общества и разработке теоретических оснований и методического инструментария для измерения этого качества.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, жизнеспособность семьи, жизнеспособность общества, компонентная модель жизнеспособности, экологический подход.

DOI: 10.7868/S0205959217040018

С тех пор, как исследователи впервые обратили внимание на феномен жизнеспособности, прошло четыре десятилетия. Ранее нами был проведен анализ термина “жизнеспособность” как междисциплинарного понятия в зарубежной и отечественной психологии, философии, кибернетике, социальных и медицинских науках [17]. Жизнеспособность человека мы определяем как “индивидуальную способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных, культурных норм и средовых условий” [18, с. 294]. Это способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью не только восстанавливаться, но и выходить из-под их воздействия на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, *способность к жизни во всех ее проявлениях, способность*

не только существовать, адаптироваться к условиям жизни, но и развиваться.

Проблема жизнеспособности в психологии разрабатывается в широком спектре исследований. Активное участие отечественных исследователей в изучении этой проблемы в последние годы [17] обусловлено интенсивно меняющимися условиями жизни, трансформацией социальных институтов (семьи, труда, образования, здравоохранения и др.) и неизбежной при этом утрате чувства стабильности. Исследования жизнеспособности сегодня стали еще более востребованными в связи с необходимостью решения глобальной гуманитарной задачи — формирования жизнеспособного человека, а также в связи с произошедшей переориентацией на позитивную парадигму в психологической науке [9; 16].

Операционализация понятия “жизнеспособность человека” связана с условно выделяемыми четырьмя волнами исследования этого феномена

¹ Работа выполнена по заданию ФАНО РФ № 0159-2017-0010

[29]. По нашему мнению, уже настало время выделения *пятой волны* исследований жизнеспособности человека, появившихся вследствие обобщения и системного осмысления значительного объема данных по проведенным в 1980–2000-х гг. лонгитюдным и когортным экспериментам. Особенностью выделяемой нами *пятой волны* является интерес к изучению социального и природного контекстов, в которых формируется, развивается и проявляется жизнеспособность человека, и *существенное расширение этих контекстов*. К ним мы относим: значительные политические, социальные и экономические трансформации общества и вызванные ими социальная нестабильность ряда регионов мира; драматические события в ряде государств и связанные с ними изменения в этнокультурных условиях жизни народов (миграция, войны); неблагоприятные природно-климатические влияния на огромных территориях (ураганы, землетрясения, наводнения). «Еще одним фактором, усиливающим воздействие этих изменений, является *глобализация* — черта нашего времени, современная среда социальной и профессиональной активности субъекта труда» [5, с. 5].

Целью современных исследований жизнеспособности являются не только традиционные контексты влияния микрофакторов (семья, соседи, микросоциум, сверстники и их субкультура, институты воспитания) и мезофакторов (СМИ, социальные сети, сообщества, региональные географические, природно-климатические, экономические, демографические, культурные условия), но и заметно влияющие на жизнеспособность общества макрофакторы, действие которых становится все более глобальным. Эти макрофакторы риска и защиты, влияющие в целом на большие группы и общества, стали важным условием жизнеспособности человека, что отразилось в заметном увеличении числа исследований на больших социальных группах: коллективах, городах, нациях, государствах. В современных работах на метауровне ретроспективно рассматриваются макрофакторы риска, оказавшие заметное влияние на несколько поколений, рожденных после значимых мировых событий. Например, жизнеспособность жертв прошлого (Холокоста, религиозных войн, освоения европейцами новых земель Северной и Южной Америки) стала предметом метаанализа современных ученых [7, с. 129–143; 662–675]. Появление понятия жизнеспособности спровоцировало проведение метаанализа психологических феноменов, полученных на когортных выборках, как, например, в исследованиях Э. Вернер [36].

Изучаются макропсихологические факторы региональной экономической жизнеспособности во времена экономического кризиса [31]. Объектом исследования становятся большие группы, выделенные в зависимости от социально-демографического состава, географических и экологических условий жизнедеятельности, доступа к технологиям, обеспеченности экономическими ресурсами, профессиональной принадлежности и т.п.

Отдельно следует остановиться на новом аспекте пятой волны исследований жизнеспособности, связанном с *миграцией больших групп населения* из иных культур, например, из Африки и Ближнего Востока — в Европу, из Средней Азии — в Россию. Преимущественно молодые переселенцы прибывают в Европу, Россию из обществ *постфигуративного* типа, в «которых старшие поколения являются образцом поведения для молодых с сохранением всех традиций, присущих данному племени, обществу» [20, с. 322–323], и собираются жить и работать в обществах *кофигуративного* типа, в которых сформирована абсолютно иная модель жизни. Согласно этой модели и дети, и взрослые учатся преимущественно у сверстников, в межпоколенной передаче ценностей, поведенческих норм и культуры; «центр тяжести», по М. Мид, переносится с прошлого на настоящее. Еще большей спецификой обладает структура взаимоотношений в обществах *префигуративного* типа, характерных для развитых европейских стран, в которых не только младшие учатся у старших, не только поведение сверстников становится моделью, но и старшие учатся у младших. Мигранты оказываются в странах приема с иным для них типом общественного и социального устройства, а местное население не собирается изменять свои устои.

Таким образом, концептуализация понятия жизнеспособности человека в исследованиях пятой волны происходит в рамках экологического подхода посредством изучения влияния макрофакторов риска и защиты (макроресурсов общества) и вызванных ими значительных изменений в социальных характеристиках и структуре общества.

МЕСТО ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА» СРЕДИ ОНТОЛОГИЧЕСКИ БЛИЗКИХ ТЕРМИНОВ

Появление нового для науки понятия всегда предполагает соотнесение его с уже существующими, особенно в тех случаях, когда новый термин близок или созвучен уже используемому. Концептуально некоторые из них, одного

с жизнеспособностью семантического поля (сила духа, ресурсы человека), оформились в позитивной психологии в конце 1990-х годов благодаря М. Селигману [31]. Идеи автора о выученном оптимизме и подлинном счастье повлияли на создание многих инструментов оценки характеристик, связанных с этими понятиями. Исследования показали, что ощущение силы в себе увеличивает целеустремленность, надежду (Богомаз, 2008; Ваништендаль, 1998; Хазова, 2013; Panter-Brick, Eggerman, 2012; и др.), альтруизм, придает уверенность в себе (Андреев, 2007; Березина, 2013; Левит, 2012; Hodges, Clifton, 2004; Lemay, Ghazal, 2001; Malik, 2013; др.), расширяет права и возможности (Cowger, 1994) способствует повышению качества жизни (Зараковский, 2009; Куприянова, 2013; Муздыбаев, 2005; Непомнящая, 2004; Рассказова, 2012; Рябов, 2016; Савченко, Головина, 2006; Ушаков, 2005; Хашенко, 2005; Keyes, Lopez, 2004 и др.) и социальной адаптивности человека (Бодров, 2007; Дикая, 2007; Журавлев, Купрейченко, 2007; Charney, 2004; Cicchetti, 2006; Del Giudice, 2011; Glantz, Sloboda, 1999; и др.).

В литературе описывается роль кризиса в жизни человека и подчеркивается важность здоровой личности для повышения положительной адаптации (Медведев, Алдашева, 2001; Посохова, 2007; Antonovsky, 1988; Luthar, 2003). Эти исследования позволили перейти к формальным измерениям различных аспектов силы духа человека, его психологических ресурсов (Грановская, 2004; Дикая, 2014; Джидарьян, 2013; Никольская, 2008; Постылякова, 2015; Толочек, 2016; Beaver, 2008; Foster, Lloyd, 2007; Seligman, 1990). В. О'Лири отмечает: “Психологи недавно пришли к мысли о необходимости отказа от исследований в рамках моделей уязвимости/дефицита человека и сосредоточились на изучении моделей позитивных приобретений человека, вышедшего из сложной жизненной ситуации с важным для его дальнейшего развития опытом” [30, с. 426]. Этот призыв к выделению сильных сторон наблюдается в исследованиях психологии развития, медицинской социологии, образовании [24]. Существующий уже несколько десятилетий теоретический, эмпирический и мировоззренческий сдвиг парадигмы исследований от болезни к здоровью, от уязвимости к совладанию, от дефицита к ресурсу не остается незамеченным. Количество исследований, отраженных в научной литературе в рамках этой парадигмы, значительно возросло.

В зарубежных исследованиях жизнеспособность все чаще становится концептуальной основой для изучения разнообразных факторов,

которые в той или иной форме изменяют реакцию человека на воздействие неблагоприятных условий. Все чаще это понятие используется для объяснения процессов и явлений в философии, социальных и поведенческих науках. К формирующейся в психологии концепции жизнеспособности применимы слова Л.М. Веккера, отмечавшего, что “из логической необходимости аналитической стадии (на которой находятся исследования жизнеспособности — А.М.) вытекает неизбежность первоначальной множественности психологических концепций, каждая из которых соответствует отпрепарированному ею аспекту психической реальности. ...В существующих в психологии концепциях эмпирический и теоретический языки еще не разведены, и, соответственно, не сформулированы проблемы, с необходимостью требующие перехода к конкретно-научной метатеории” [3, с. 52]. Сама идея поиска метатеоретического конструкта, объединяющего под своим “зонтиком” ряд понятий, часто близких по содержанию, не нова. Такой конструкт должен обладать рядом внешних и внутренних системных свойств и характеризовать жизнеспособность как неустойчивую систему, в самой неустойчивости имеющую источник ее внутреннего развития, приводящего в конечном итоге к более высокой организации [2].

Жизнеспособность следует рассматривать как “зонтичный” термин для психологических ресурсов, имеющих решающее значение для человека [37]. Такой подход, несомненно, создает проблемы, поскольку налицо отсутствие согласованности по всему понятийному полю, что увеличивает сложность сопоставления результатов различных исследований.

Важно отметить, что в исследованиях сильных сторон человека используются разные понятия: позитивный аффект (В. Beaver, С. Benetti, N. Kambouropoulos), посттравматическое развитие/рост (Ю.В. Быховец, К.И. Воробьева, М.Ш. Магомед-Эминов, Н.Е. Харламенкова, L.G. Calhoun, R.G. Tedeschi), удовлетворенность жизнью (S. Heubner, R. Gilman), психологический и социально-психологический капитал (Дж. Коулман, Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, А.И. Юрьев, J. Avey, J. Bartkowski, F. Luthans, X. Xu и др.), личностный потенциал (Д.А. Леонтьев, U. Staudinger и др.), ресурсный потенциал (Ю.В. Постылякова); психофизиологический потенциал (Г.М. Зараковский, В.И. Медведев), проактивное совладание (Е.С. Старченкова, E.R. Greenglass). В связи с этим А.Л. Журавлев и А.В. Юревич отмечают: “Нетрадиционные понятия психологической

науки <...> покрывают одно онтологическое поле, тесно связаны друг с другом, и, хотя их пока трудно уложить в упорядоченную систему понятий, все же прорисовывается определенный вектор детерминации этих феноменов” [9, с. 14]. Соотнесение перечисленных выше терминов с понятием “жизнеспособность человека” представлено в ряде работ [7; 10; 17; 21; 25 и др.].

В понятийном поле, на котором очевидны пересечения и даже контаминации, смысловое содержание одного термина, в нашем случае жизнестойкости, приписывается другому — жизнеспособности. Несмотря на сложность и неоднозначность места термина “жизнеспособность человека” в концептуальном аппарате близких по смыслу других терминов, исследования этого феномена являются частью процесса научного изучения сильных сторон человека и во многом носят объединяющий эти исследования характер.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В современных исследованиях жизнеспособности человека были выработаны методологические подходы к созданию моделей этого феномена. Все существующие на сегодняшний день модели жизнеспособности опираются на полученные экспериментальные данные ранее осуществленных лонгитюдных исследований, но налицо тенденция к созданию системно-ориентированных моделей. Среди множества подходов, на базе которых развиваются исследования жизнеспособности человека, в зарубежной психологии ученые наиболее часто обращаются к социокультурному (экологическому) подходу Ю. Бронфенбреннера, теории салютогенеза А. Антоновского, теории социального научения и др. В отечественной психологии — к культурно-исторической концепции психического развития Л.С. Выготского, междисциплинарному подходу к проблемам человека Б.Г. Ананьева. Остановимся на наиболее важных для нашего понимания истоках изучения жизнеспособности человека, теоретическая база которых составила основу наших исследований.

Социокультурный (экологический) подход Ю. Бронфенбреннера — это экологическая перспектива для оценки человека, семьи или общества, сравнимая с системными теориями в психологии. В каждом из контекстов этого подхода представлены и исследуются соотношение ресурсов человека, сильных сторон его

личности, потенциала и воздействия факторов различной природы и в конечном итоге его жизнеспособности.

Культурно-историческая концепция психического развития Л.С. Выготского может выступать основой для исследования жизнеспособности ребенка. По мнению Э. Мاستен, Р. Дистефано, системный подход к жизнеспособности резонирует с идеями Бронфенбреннера и Выготского о важности для развития человека взаимодействия с другими системами [7, с. 31—45]. Говоря о роли Выготского в теоретическом обосновании современных исследований жизнеспособности, необходимо обратиться к пониманию им способа формирования высших психических функций ребенка, которые “строятся первоначально как внешние формы поведения ... являются социальным способом поведения, примененным к самому себе” [4, с. 71], что особенно важно для изучения влияния на ребенка социальной среды как внешнего ресурса жизнеспособности.

В *междисциплинарном подходе к индивидуальному развитию Б.Г. Ананьева* жизнеспособность человека появилась как потенциальный предмет исследования. Среди факторов жизнеспособности (так их называют сейчас) он выделял силу нервных процессов индивида, наличие поддержки, моральной помощи, соучастия и сочувствия других людей, солидарности группы. По его мнению, важно дифференцировать способности человека и выделять в их числе жизнеспособность [1, с. 271]. Можно с уверенностью сказать, что теоретические представления Б.Г. Ананьева о жизнеспособности человека 1960-х годов намного опередили операционализацию этого понятия в более поздних исследованиях.

Предлагаемые авторами подходы и модели изучения жизнеспособности, как правило, включают выделение состава, структуры, признаков, которые связываются с разными факторами их детерминации. Например, для изучения феноменов уверенности в себе и жизнеспособности Л. Полк разработала модель с четырьмя паттернами жизнеспособности (диспозиционный, реляционный, ситуационный, философский) [32]. В последнее время исследователи делают акцент на экологическом подходе в изучении жизнеспособности: разрабатывается, например, четырехкомпонентная экологическая модель [11; 13; 14; 34; 35], в которой представлено соотношение ресурсов человека, сильных сторон его личности, потенциала и воздействия “социально-токсичного окружения” (Дж. Гарбарино). В этой модели соотнесены экологическая перспектива для оценки

жизнеспособности человека, теоретические постулаты экологического подхода Бронфенбреннера, теория четырех контекстов/паттернов жизнеспособности Полк, междисциплинарный подход к индивидуальному развитию жизнеспособности Ананьева.

Эти теоретические разработки легли в основу развиваемого нами *компонентного подхода* к исследованию жизнеспособности человека и семьи [15; 19; 28]. Предлагаемая нами модель характеризует процесс формирования жизнеспособности человека, определяет перспективу развития этого качества и предсказывает новую траекторию развития при необходимости адаптации к изменившимся условиям (стресс, экстраординарное событие и т.п.). Наша модель является парадигмальным обобщением выделенных компонентов структуры жизнеспособности человека и разработана для постановки и решения задач теоретического изучения этого феномена (рисунок). Она представляет собой системно-ориентированные взаимосвязи уровней развития человека и включает структуру, взаимосвязи, некоторые структурные элементы жизнеспособности человека.

По способу представления предмета исследования предлагаемая модель является *функциональной*, т.к. ею описывается воспринимаемое извне функционирование предмета исследования — жизнеспособности человека. Она отражает не только структуру феномена жизнеспособности и существенные свойства и взаимосвязи компонентов изучаемого предмета, что соотносимо со *структурной моделью*, но и то, как жизнеспособность функционирует: формируется, развивается и «отвечает» на внешние воздействия с учетом внутренних предпосылок. Такую модель называют *структурно-функциональной*, т.к. в ней предмет рассматривается как целостная система, которую следует расчленить на составные части, компоненты, элементы, подсистемы [22]. По нашему мнению, существо модели должно оставаться неизменным, к нему мы относим уровни и обязательные для них взаимосвязи, но количество и особенно качество этих связей динамичны. Динамика количества и качества связей в модели напрямую зависит от многих внешних контекстов: условий, факторов среды и особенностей человека, начиная от психофизиологических данных до социально-психологических характеристик личности, ее духовности.

Проведя теоретический анализ литературы, мы пришли к выводу о том, что жизнеспособность человека может быть описана в основном шестью

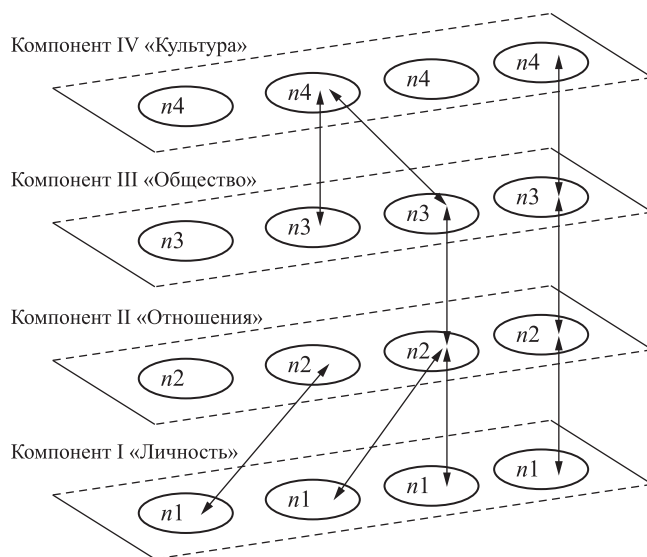

Рис. Модель жизнеспособности человека.

взаимосвязанными ее *компонентами* (пятью внутренними и одним внешним): самооффективность, настойчивость, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, духовность, семейные/социальные взаимоотношения. Каждый из выделенных компонентов включен в один из контекстов: *индивидуально-личностный* контекст (самооффективность, настойчивость, совладание, внутренний локус контроля); контекст *отношений* (компонент семейные/социальные взаимоотношения), контекст *общества* (компонент адаптация), контекст *культуры* (компонент духовность) [15; 17].

Все вышеперечисленные контексты: личностные характеристики, социально-психологические переменные внешнего контекста (культура, социальная поддержка, вера, образование и пр.) — вместе формируют и поддерживают жизнеспособность человека. Семейные ресурсы складываются из индивидуальных психологических ресурсов каждого члена семьи и ресурсов, которые присущи семье как системе, составляя жизнеспособность человека и семьи в целом. Очевидно, что для понимания сущности явления жизнеспособности человека и семьи необходимы данные о механизмах и закономерностях формирования и развития этой интегративной характеристики. Для дальнейшего исследования феномена наряду с разработкой модели необходимо продолжить изучение теоретических подходов, положенных в основание разработки предложенной нами модели жизнеспособности человека.

ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ИП РАН

Как известно, социальное расслоение, общая социальная нестабильность и отсутствие уверенности в завтрашнем дне порождают неадаптивные формы социализации людей, детерминируя снижение жизнеспособности и адаптации целых поколений к сложным экономическим и политическим условиям. В связи с этим идея воспитания жизнеспособного поколения должна быть выдвинута на уровень национального приоритета в общегосударственной, социальной, семейной, молодежной политике. А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков и А.В. Юревич показывают, что в настоящее время “формируется запрос на участие психологии в решении задач, связанных с психологическими факторами социально-экономических успехов общества” [8, с. 4]. Реализация такого запроса возможна также со стороны теоретической разработки и анализа понятия жизнеспособности человека, семьи и общества.

Эта тема разрабатывается нами в Институте психологии РАН с 2002 года [28]. В коллективной монографии “Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты” (2016) объединены исследования сотрудников Института и коллег из других центров и стран. В статьях сотрудников Института: Г.А. Виленской, Л.Г. Дикой, Ю.В. Ковалевой, А.И. Лактионовой, А.В. Махнач, О.И. Маховской, Т.А. Нестика, Ю.В. Постыляковой, Е.А. Сергиенко, Н.В. Тарабриной, Н.Е. Харламенковой, А.В. Юревича – представлены результаты изучения жизнеспособности разных объектов исследования с позиций разных теоретических подходов [7].

Так, Е.А. Сергиенко рассматривает соотношение понятий “контроль поведения” и “жизнеспособность индивида” на разных этапах онтогенеза человека [7, с. 247–264]. Г.А. Виленская показывает роль контроля поведения в развитии жизнеспособности детей раннего возраста [7, с. 265–280]. Н.В. Тарабрина и Н.Е. Харламенкова в качестве ресурса жизнеспособности анализируют понятие “совладающее поведение” [7, с. 291–305]. А.И. Лактионова рассматривает жизнеспособность как метасистемное понятие, объединяющее все компоненты регуляции и регулирующие факторы социальной среды на разных уровнях организации психики (индивидуальный, личностный, субъектный) [10; 12]. Роль семьи как основы жизнеспособности человека отражена в исследованиях А.В. Махнач,

А.И. Лактионовой, К.Б. Зуева, Ю.В. Ковалевой, Ю.В. Постыляковой. Так, Ю.В. Постылякова обращает внимание на важность сочетания ресурсов семьи и жизнеспособности у кандидатов в замещающие родители [23].

В работах сотрудников Института психологии РАН Н.В. Тарабриной, А.В. Юревича, Ю.В. Быховец обращено внимание на социальное здоровье человека, которое рассматривается через призму его жизнеспособности. Так, А.В. Юревич считает, что “отсутствие радикального улучшения психологического состояния наших сограждан неизбежно повлечет за собой возрастание массовой аномии, социально-политической пассивности, недоверия к власти и друг к другу, а также нарастание алкоголизма, наркомании, дальнейшее сокращение численности населения и т.п.” [7, с. 159–175]. Логичным следствием из сложившегося положения является необходимость исследовать условия создания жизнеспособного общества, развивающегося в жизнеспособной, экологически благополучной среде [27].

В социальной психологии *малых групп* жизнеспособность рассматривается как способность группы к эффективной совместной деятельности в условиях высокой неопределенности, при неблагоприятных, стрессогенных и экстремальных условиях. Жизнеспособность группы людей, сообщества, города стали предметом исследования в ряде научных направлений: экологии, урбанистике, глобалистике, социологии. В нашем институте в тематике, близкой к изучению жизнеспособности больших групп, проводятся исследования психологии городской среды или городского пространства (А.Л. Журавлев, Т.В. Дробышева, М.Ю. Войтенко). В городской среде полностью представлены культурные ценности народа в виде архитектурных памятников, театров, музеев, парков, в окружении которых реализуется потенциал каждого жителя города [26].

В работах сотрудников Института психологии РАН отмечается интерес к изучению выделяемых нами шести компонентов жизнеспособности. Жанр статьи не позволяет в полной мере отразить широту и многообразие данного исследовательского интереса, поэтому ограничимся лишь кратким их обозначением.

– *Самоеффективность*. Рассматривается исследователями как: характеристика, способствующая осознанию человеком себя “автором” своей жизни (Анцыферова, 2000); переменная эмоционального интеллекта (Люсин, 2009); характеристика лидера, способствующая выработке целей и миссии организации (Журавлев, Нестик, 2016);

личностная переменная, оказывающая влияние на формирование и функционирования интеллекта (Ушаков, 2003), черта, формирующая у людей сценарии развития событий (Дружинина, 2016); как элемент социального благополучия (Бессонова, 2013) и др.

— *Настойчивость*. Эта характеристика исследуется как: проявление социальной (Емельянова, 2013) и профессиональной ответственности (Бодров, Луценко, 1991); ценностная детерминанта эффективности управленческой деятельности (Журавлева, 2006); характеристика межличностного взаимодействия предпринимателей мужчин и женщин (Журавлев, Позняков, Титова, 2013); психический ресурс интеллектуальной одаренности на этапе взрослости (Холодная, 2011); параметр “интеллектуального подростка”, выделяемый родителями и учителями (Александров, Александрова, 2009); наиболее значимое качество детей (Дробышева, 2013) и др.

— *Внутренний локус контроля*. Изучается как: одна из характеристик жизнеспособности (Лактионова, 2010); основа для координации регуляции поведения супругов, составляющая контроля поведения (Ковалева, 2014); указание на нравственно-этический компонент личности (Купрейченко, Воробьева, 2013); типическая черта старшеклассников с математическими способностями (Максимова, Александров и др. 2001); психологическая особенность предпринимателей-мужчин и предпринимателей-женщин (Журавлев, Позняков, 2002); черта, характеризующая успешность посттравматической стрессовой адаптации у ветеранов боевых действий (Тарабрина и др., 2016; Зеленова, Лазебная, 2009); характеристика представлений о гражданской ответственности в обычном сознании (Емельянова, 2009) и др.

— *Совладание и адаптация*. Эти характеристики исследуются как: психологический механизм (Бодров, 2007); генетико-средовые влияния на становление ранних индивидуальных адаптаций (Сергиенко, 2009); составляющая самоопределения личности и группы в экономической среде (Журавлев, Купрейченко, 2012); стратегии адаптивного поведения (Алдашева, 2014); механизм взаимного резервирования человека и автоматики (Костин, Голиков, 2010); резерв идентификации профессионала при смене социально-профессиональных отношений (Ермолаева, 2014); характеристика уверенности в себе (Головина, 2015); сценарии социализации детей иммигрантов (Маховская, 2012); этнофункциональный адаптационный потенциал ментальности российского общества (Сухарев, 2008) и др.

— *Духовность*. Исследуется как: основание состояния общества и его развития, как высший уровень освоения человеком мира, важнейшее свойство человека (Брушлинский, 2002; Воловикова, Журавлев, 2016); внутренняя основа личности, через которую преломляется воздействие внешней среды, духовно-нравственный потенциал личности (Дикая, 2013); результат приобщения личности к общечеловеческим ценностям, духовной культуре (Знаков, 2000); состояние человека, сфера его чувств, проявляющихся в его становлении (Воловикова, 2009); сущность, указывающая на высший смысл жизни (Гостев, 2007); высший уровень в развитии человека, особое ценностно-нравственное состояние личности (Галкина, 2014; Купрейченко, Воробьева, 2013); высшее проявление человека, духовно-нравственное определение высших способностей человека (Ожиганова, 2012) и др.

— *Семейные/социальные взаимоотношения*. Изучаются как: факторы риска или жизнеспособности человека (Махнач, 2012; Лактионова, 2015); поддержка в социально-психологической адаптации пациентов с ПТСР (Быховец, 2012); условие формирования личностных характеристик подростков из неполных семей (Зуев, 2013); семейный дискурс в его диалоговых формах (Гребенщикова, Зачесова, 2012); внутрисемейный дискурс с большим ребенком (Латынов, 2009); семейные и индивидуальные ресурсы членов семьи (Постылякова, 2015); элемент экономического воспитания и социализации в семье (Дробышева, 2013; Журавлева, 2006); нормативный конфликт различных моделей семьи в условиях эмиграции (Маховская, 2015); характеристики замещающей семьи, воспитывающей сироту (Махнач, Лактионова, 2015); взаимодействие матери и ребенка (Виленская, Никитина, 2015) и др.

Современное общество заинтересовано в жизнеспособных людях, живущих и работающих в постоянно изменяющихся условиях и реализующих свой жизненный, социальный и профессиональный потенциал. Интерес к изучению жизнеспособности профессионала, руководителя организации, коллектива несомненно повысит социальный, экономический и психологический эффекты научных работ в данном направлении. Не случайно сегодня в зарубежной психологии это направление исследований является весьма актуальным. Вопросы лидерства, структуры организации, ее целей, миссии, задач динамического, устойчивого развития и мн. др. связаны с жизнеспособностью организации. Темы профессионального мастерства, профессионально

важных качеств, маргинализма специалистов, адаптации к новым рабочим условиям, особенностей выполнения профессиональных функций, связанных с риском, обращены к жизнеспособности профессионала, и в этом мы также видим перспективность и актуальность исследований для психологии труда и организационной психологии [16 и др.].

В работах сотрудников лаборатории психологии труда, эргономики, организационной и инженерной психологии Института психологии РАН проблема жизнеспособности в контексте профессиональной деятельности рассматривается на условно выделяемых А. Зауэром и соавторами трех уровнях анализа данного феномена: *организационном, межличностном (групповом) и индивидуальном* [38]. На *организационном уровне* анализа исследования проводятся А.Н. Занковским, Е.П. Ермолаевой, на *межличностном (групповом)* уровне анализа — А.А. Алдашевой, А.И. Лактионовой, А.В. Махначем, Ю.В. Постыляковой. Л.Г. Дикой на *индивидуальном уровне* анализа профессиональной деятельности определены индивидуально-психологические и личностные ресурсы профессиональной и социальной реализации человека как факторы развития его жизнеспособности [6].

Таким образом, в последнее десятилетие в работах сотрудников и аспирантов лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ИП РАН прослеживается тенденция к исследованию факторов, обеспечивающих устойчивость и жизнеспособность людей, работающих прежде всего в сфере “человек—человек”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее десятилетие в отечественной психологии отмечается постоянно растущий интерес к феномену и понятию “жизнеспособность”, что отражается в увеличении числа публикаций по этой теме.

В других областях отечественной науки термин “жизнеспособность” стал появляться с середины 1990-х годов. В психиатрии, социологии, истории, педагогике и психологии этот термин означает способность субъекта, малой или большой группы справляться с неблагоприятными жизненными условиями, совладать со стрессом. В работах этих областей науки нет прямого соотношения термина “жизнеспособность” с понятием “*resilience*”, принятым в англоязычной литературе,

но вместе с тем в них раскрывается то содержание понятия, которое, как мы показали ранее, близко и соотносимо с этим термином.

Перед научным сообществом остро стоит задача определения дальнейших направлений в исследовании жизнеспособности человека, семьи, коллектива, организации и общества в целом, разработки методологических оснований и методического инструментария для измерения этого качества. С этой позиции представляется важным изучение социума, в котором черпаются ресурсы жизнеспособности человека, и каждый его член обучается умению ими пользоваться. Усилия ученых в этом направлении должны сопровождаться исследованиями, нацеленными на понимание того, в какой степени различные механизмы могут определять влияние социума как защитного фактора.

Отдельно следует сделать акцент на проблеме концептуализации и операционализации термина “жизнеспособность” в отечественной психологии. Рассогласование в дефинициях связано с тем, что изучение жизнеспособности происходит по тем же этапам, что и в зарубежной психологии: от жизнестойкости — к жизнеспособности, от адаптации — к совладанию, от личностных аспектов — к социально-психологическим исследованиям, от системных исследований — к метасистемным. В итоге уже наблюдается увеличение числа междисциплинарных исследований: от детей — к взрослому человеку, от семьи — к профессиональной деятельности, от организации — к социуму в целом.

Изучение жизнеспособности, соизмеримое со сложностью конструкта, в психологии и психопатологии развития, социальной психологии, психологии семьи, организационной психологии и психологии труда, и попытки назвать её основные составляющие будут способствовать увеличению числа проводимых междисциплинарных исследований. Научные работы такого рода, несомненно, приведут к накоплению объема данных по психологическим, социальным, биологическим объектам изучения, у которых существуют различные способы формирования и развития жизнеспособности, а также к исследованиям, нацеленным на изучение у людей (семей, сообществ, государств) последствий воздействия факторов риска. В связи с этим большое значение имеет идея интеграции междисциплинарных исследований жизнеспособности в психологии с историей, антропологией, социологией и др.

Большая часть исследований жизнеспособности проведена в США и Европе, соответственно,

данные получены в контексте европоцентристской эпистемологии. В связи с этим назрела необходимость исследования жизнеспособности человека в культурах и странах за пределами Западной Европы и США. Работы ученых из других стран несомненно обогатят общую теорию жизнеспособности: человека, семьи, организации, народа или государства.

Концептуализация и операционализация сравнительно нового для зарубежной и отечественной науки понятия, определение его концептуального поля является важной частью дальнейших исследований и предполагает развитие инструментария для эмпирического изучения жизнеспособности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.
2. *Богданов А.А.* Борьба за жизнеспособность. М.: Новая Москва, 1927.
3. *Веккер Л.М.* Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, Per Se, 2000.
4. *Выготский Л.С.* Анализ знаковых операций ребенка // *Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 6.* М.: Педагогика, 1984. С. 60–75.
5. *Дикая Л.Г.* Личностный потенциал и эмоциональное выгорание педагога // *Человек. Сообщество. Управление.* 2012. № 3. С. 75–88.
6. *Дикая Л.Г.* Социальная психология труда на новом этапе развития: методолого-теоретические основания и эмпирические исследования // *Психологический журнал.* 2012. Т. 33. № 2. С. 5–22.
7. *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
8. *Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В.* Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть I. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // *Психологический журнал.* 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
9. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // *Психологический журнал.* 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
10. *Лактионова А.И.* Структурно-уровневая организация жизнеспособности как метаспособности // *Личность профессионала в современном мире.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013. С. 109–126.
11. *Лактионова А.И.* Формирование жизнеспособности подростков // *Психология человека и общества: научно-практические исследования.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014. С. 224–247.
12. *Лактионова А.И.* Жизнеспособность человека: метакогнитивный подход // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 88–110.
13. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Жизнеспособность как фактор адекватного профессионального самоопределения и социализации // *Социальная психология труда: теория и практика. Т. 1.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 459–477.
14. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // *Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 193–223.
15. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // *Психологические исследования проблем современного российского общества.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013. С. 54–83.
16. *Махнач А.В.* Социальная модель как парадигма в исследовании жизнеспособности человека // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке.* 2013. № 2 (38). С. 46–53.
17. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
18. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007. С. 290–312.
19. *Махнач А.В., Постылякова Ю.В.* Модель жизнеспособности семьи // *Психологические исследования проблем современного российского общества.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2013. С. 438–460.
20. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
21. *Нестерова А.А.* Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011.
22. *Плотинский Ю.М.* Модели социальных процессов: Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Логос, 2001.
23. *Постылякова Ю.В.* Индивидуальные и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // *Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015. С. 459–477.
24. *Принцип развития в современной психологии.* М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
25. *Рыльская Е.А.* Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной

- психологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 57–58.
26. Социально-психологические исследования города. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
 27. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2014.
 28. Makhnach A., Laktionova A. Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family // Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 371–386.
 29. Masten A.S., Obradovic J. Competence and resilience in development // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. V. 1094. P. 13–27.
 30. O’Leary V. Strength in the face of adversity: individual and social thriving // Journal of Social Issues. 1998. V. 54 (2). P. 425–446.
 31. Obschonka M., Stuetzer M., Audretsch D.B., Rentfrow P.J., Potter J., Gosling S.D. Macropsychological factors predict regional economic resilience during a major economic crisis // Social Psychological and Personality Science. 2016. V. 7 (2). P. 95–104.
 32. Polk L.V. Toward a middle-range theory of resilience // Advances in Nursing Science. 1997. V. 19. P. 1–13.
 33. Seligman M.E.P. Learned optimism: How to change your mind and your life. New York: Pocket Books, 1990.
 34. Ungar M., Clark S.E., Kwong W-m., Makhnach A., Cameron C.A. Studying resilience across cultures // Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work. 2005. V. 14. № 3/4. P. 1–19.
 35. Ungar M., Liebenberg L., Boothroyd R., Kwong W.M., Lee T.Y., Leblank J., Duque L., Makhnach A. The study of youth resilience across cultures: Lessons from a pilot study of measurement development // Research in Human Development. 2008. V. 5 (3). P. 166–180.
 36. Werner E.E. High risk children in young adulthood: A longitudinal study from birth to 32 years // American Journal of Orthopsychiatry. 1989. V. 59. P. 72–81.
 37. Windle G., Markland D.A., Woods R.T. Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age // Aging and Mental Health. 2008. V. 12 (3). P. 285–292.
 38. Zautra A.J., Hall J.S., Murray K.E. Resilience: A new definition of health for people and communities // Handbook of Adult Resilience / J.W. Reich, A.J. Zautra, J.S. Hall (Eds.). New York, London: Guilford Press, 2010. P. 3–29.

HUMAN RESILIENCE AS RESEARCH OBJECT IN PSYCHOLOGY

A.V. Makhnach

*Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS,
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.
Ph.D., Senior researcher. E-mail: amak@inbox.ru*

Received 17.01.2017

Abstract. The methodological and theoretical bases of concept “resilience” and highlighting of the fifth wave of this phenomenon study as a new stage of research are presented. It is shown that in modern research, the operationalization of the concept is accompanied by a significant expansion of interest in studying social and natural contexts of resilience. Emphasis to the importance of determining the place of the resilience concept among ontologically relative terms is drawn. The original author’s component approach to resilience, which is mainly described in six interrelated components (five internal and one external): self-efficacy, persistence, coping and adaptation, internal locus of control, spirituality, family/social relationships is presented. The article describes the studies of some aspects of resilience by scientists of IP RAS. In the conclusion, there is the need to identify areas for further research of resilience of a person, family, community and society, as well the development of methodological basis and methodical tools for measuring this characteristic.

Key words: resilience, individual resilience, family resilience, society resilience, component model of resilience, the ecological approach to the study of resilience.

REFERENCES

1. Anan’ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. St. Petersburg: Piter, 2001. (In Russian).
2. Bogdanov A.A. Bor’ba za zhiznesposobnost’. Moscow: Novaya Moskva, 1927. (In Russian).
3. Vekker L.M. Psihika i real’nost’. Edinaja teorija psihicheskikh processov. Moscow: Smysl, Per Se, 2000. (In Russian).
4. Vygotskij L.S. Analiz znakovykh operacij rebenka // Vygotskij L.S. Sbranie sochinenij: v 6-ti V. V. 6. Moscow: Pedagogika. 1984. P. 60–75. (In Russian).

5. *Dikaja L.G.* Lichnostnyj potencial i jemocional'noe vygoranie pedagoga // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie.* 2012. № 3. P. 75–88. (In Russian).
6. *Dikaja L.G.* Social'naja psihologija truda na novom jetape razvitija: metodologo-teoreticheskie osnovanija i jempiricheskie issledovanija // *Psihologicheskij zhurnal.* 2012. V. 33. № 2. P. 5–22. (In Russian).
7. *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian).
8. *Zhuravlev A.L., Ushakov D.V., Jurevich A.V.* Perspektivy psihologii v reshenii zadach rossijskogo obshhestva. Chast' I. Postanovka problemy i teoretiko-metodologicheskie zadachi // *Psihologicheskij zhurnal.* 2013. V. 34. № 1. P. 3–14. (In Russian).
9. *Zhuravlev A.L., Jurevich A.V.* Kollektivnye smysly kak predposylka lichnogo schast'ja // *Psihologicheskij zhurnal.* 2014. V. 35. № 1. P. 5–15. (In Russian).
10. *Laktionova A.I.* Strukturno-urovnevaja organizacija zhiznesposobnosti kak metasposobnosti // *Lichnost' professionala v sovremennom mire.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN". 2013. P. 109–126. (In Russian).
11. *Laktionova A.I.* Formirovanie zhiznesposobnosti podrostkov // *Psihologija cheloveka i obshhestva: nauchno-prakticheskie issledovanija.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2014. P. 224–247. (In Russian).
12. *Laktionova A.I.* Zhiznesposobnost' cheloveka: metakognitivnyj podhod // *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. P. 88–110. (In Russian).
13. *Laktionova A.I., Makhnach A.V.* Zhiznesposobnost' kak faktor adekvatnogo professional'nogo samoopredelenija i socializacii // *Social'naja psihologija truda: teorija i praktika.* V. 1. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. P. 459–477. (In Russian).
14. *Laktionova A.I., Makhnach A.V.* Zhiznesposobnost' i social'naja adaptacija podrostkov-sirot // *Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: Psihologicheskij aspekt.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. P. 193–223. (In Russian).
15. *Makhnach A.V.* Zhiznesposobnost' cheloveka: izmerenie i operacionalizacija termina // *Psihologicheskie issledovanija problem sovremenного rossijskogo obshhestva.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2013. P. 54–83. (In Russian).
16. *Makhnach A.V.* Social'naja model' kak paradigma v issledovanii zhiznesposobnosti cheloveka // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke.* 2013. № 2 (38). P. 46–53. (In Russian).
17. *Makhnach A.V.* Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: social'no-psihologicheskaja paradigma. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian).
18. *Makhnach A.V., Laktionova A.I.* Zhiznesposobnost' podrostka: ponjatie i koncepcija // *Psihologija adaptacii i social'naja sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2007. P. 290–312. (In Russian).
19. *Makhnach A.V., Postyljakova Ju.V.* Model' zhiznesposobnosti sem'i // *Psihologicheskie issledovanija problem sovremenного rossijskogo obshhestva.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2013. P. 438–460. (In Russian).
20. *Mead M.* Kul'tura i mir detstva. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian).
21. *Nesterova A.A.* Social'no-psihologicheskaja koncepcija zhiznesposobnosti molodjozhi v situacii poteri raboty: Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Moscow, 2011. (In Russian).
22. *Plotinskij Ju.M.* Modeli social'nyh processov: Uchebnoe posobie dlja vysshih uchebnyh zavedenij. Moscow: Logos, 2001. (In Russian).
23. *Postyljakova Ju.V.* Individual'nye i semejnye resursy u kandidatov v zameshhajushhie roditeli // *Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: Psihologicheskij aspekt.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. P. 459–477. (In Russian).
24. *Princip razvitija v sovremennoj psihologii.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016.
25. *Ryl'skaja E.A.* Nauchnye podhody k issledovaniju zhiznesposobnosti cheloveka v zarubezhnoj psihologii // *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija.* 2014. № 8. P. 57–58. (In Russian).
26. *Social'no-psihologicheskie issledovanija goroda.* Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian).
27. *Tarabrina N.V., Byhovec Ju.V.* Terroristicheskaja ugroza: teoretiko-jempiricheskoe issledovanie. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2014. (In Russian).
28. *Makhnach A., Laktionova A.* Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family // *Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.).* Thousand Oaks: Sage, 2005. P. 371–386.
29. *Masten A.S., Obradovic J.* Competence and resilience in development // *Annals of the New York Academy of Sciences.* 2006. V. 1094. P. 13–27.
30. *O'Leary V.* Strength in the face of adversity: individual and social thriving // *Journal of Social Issues.* 1998. V. 54 (2). P. 425–446.
31. *Obschonka M., Stuetzer M., Audretsch D.B., Rentfrow P.J., Potter J., Gosling S.D.* Macropsychological factors predict regional economic resilience during a major economic crisis // *Social Psychological and Personality Science.* 2016. V. 7 (2). P. 95–104.
32. *Polk L.V.* Toward a middle-range theory of resilience // *Advances in Nursing Science.* 1997. V. 19. P. 1–13.

33. *Seligman M.E.P.* Learned optimism: How to change your mind and your life. New York: Pocket Books, 1990.
34. *Ungar M., Clark S.E., Kwong W-m., Makhnach A., Cameron C.A.* Studying resilience across cultures // *Journal of Ethnic and Cultural Diversity in Social Work*. 2005. V. 14. № 3/4. P. 1–19.
35. *Ungar M., Liebenberg L., Boothroyd R., Kwong W.M., Lee T.Y., Leblank J., Duque L., Makhnach A.* The study of youth resilience across cultures: Lessons from a pilot study of measurement development // *Research in Human Development*. 2008. V. 5 (3). P. 166–180.
36. *Werner E.E.* High risk children in young adulthood: A longitudinal study from birth to 32 years // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1989. V. 59. P. 72–81.
37. *Windle G., Markland D.A., Woods R.T.* Examination of a theoretical model of psychological resilience in older age // *Aging and Mental Health*. 2008. V. 12 (3). P. 285–292.
38. *Zautra A.J., Hall J.S., Murray K.E.* Resilience: A new definition of health for people and communities // *Handbook of Adult Resilience* / J.W. Reich, A.J. Zautra, J.S. Hall (Eds.). New York, London: Guilford Press, 2010. P. 3–29.